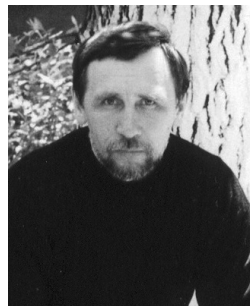

Александр Загрибелный

Из цикла ГРИМАСЫ ПЕГАСА

«ТИХА УКРАИНСКАЯ НОЧЬ...»

ЭВРИКА!

Гудит трансформатор и бритва жужжит,
Как старый
вibrator пульсирует жизнь.

Дрожит холодильник, завыл пылесос...
Рванул я рубильник и ручку унес!

И вот уже Солнце проходит зенит,
Погас телевизор, звонок не звенит,

По той же причине приемник молчит,
Теперь при лучине читаю в ночи.

Пусть Солнце скорей озаряет Восток,
Уснул в проводах электрический ток,

И я, отдохнув от электростихий,
Все жду, что во мне шевельнутся стихи.

Но, что там? –
сквозь толстые залежи стен
Я слышу, что где-то работает фен,

Урчит генератор не той частотой,
Ну, как же он может, все время не той?!

Стирает машинка, и там за окном
Стирает нам память, о чем-то былом...

У Пушкина лучше писались стихи,
Но были тогда ведь и ночи тихи.

Зарифмовав «селедка и картошка»
И откусив соленый огурец,
Он посмотрелся в темное окошко
И прошептал: «Ну, ты и молодец!»

Потом связал «селедка и бутылка»
И что греха таить – не он один,
Привычно руку почесав затылком,
Сказал себе: «Ну, ты и сукин сын!»

Уже за полночь, всласть заливши глотку,
Он понял, что себя он превзошел –
«Нет лучше рифмы,
чем «селедка – водка»,
Я – гений, братцы, Эврика! Нашел!»

ШОК-СТИШОК

Вот интернет-стишок
Про ежедневный шок:
Она разделась – шок!
Она оделась – шок!
Погрызла корешок –
Схудела до кишок,
Сходила на горшок –
Кошмар, а не душок.
Потом на посошок
Содеяла грешок,
И тут пошел слушок,
Что у нее дружок

Понюхал... порошок.
 Очередной божок
 Убил, взорвал, поджог.
 А цены – просто шок,
 Хоть головой в мешок!
 А если есть должок –
 Два пальца в дырки – шок!
 Но все пойдет на лад,
 Коль съели шоколад!

ВЕСЕННЕЕ ОБОСТРЕНИЕ

А за окном теплеет климат,
 А Гименей пророчит климакс,
 Дрожит на вилке колбаса,
 В трусах творится ренессанс...

– Что делать? – думает поэт,-
 Куда подать свое либидо?
 И это, право, ведь, обидно,
 Что на вопрос ответа нет.

– Ну, хочешь, встану на колени -
 Уймись, источник вдохновенья,
 Отстань Кастальская струя,
 Давно уже не молод я.

– А Муза – что ж, опять без мужа?
 Она – реальное лицо
 Иль снова вымысел досужий?
 Ей стих дарить или кольцо?

* * *

Поэт хлебнул и потепленье
 К нему Гольфстримом потекло,
 Он дописал стихотворенье,
 Протер вспотевшее стекло

Очков. Скользнув сквозь нашу эру
 Меж книжных пестрых корешков,
 Прочел цитату из Гомера,
 Потом из собственных грешков.

Так он провел весь день приватно,
 Бродя по комнате в трусах
 И бормоча под нос невнятно:
 «Гольфстрим и боги в небесах!»

И, оглядев свои чертоги
 При медном пламени Луны,
 Изрек: «Мы – безусловно, боги,
 И будем все вознесены!»

СОЗДАНИЕ МУЖЧИНЫ

Голодный вакуум ума
 Втянул и ветер, и туман.
 Парсек пятнадцать звездной пыли.
 Дома, трамвай, автомобили,

Плотину ГЭС и с нею ЛЭП,
 А заодно с тарелки хлеб,
 Трактат, фигуру кенгуру,
 Луну и черную дыру...

Хотел еще, поестъ любя,
 Но тут увидел он тебя.
 И до того вдруг оробел,
 Что позабыл, про все, что съел.

Процесс еды остановился,
 И ум тем больше изумился,
 Но как бы рот ни открывал,
 Он ничего не понимал.

Стал за тобой бродить он следом
 Любовь с отчаяньем изведаль,
 И к дню святого Валентина
 Он постепенно стал мужчиной.

МАТРАПСОДИЯ

Но кривая шла по кругу....
В.Высоцкий

Я рисовал в тетради в клеточку –
 кружочки,
 Но в этом плане я не шибко преуспел,
 Когда ж кружочки те
 дошли до мертвой точки,
 Я вновь
 к квадратакам вернуться захотел.

Писал я формулы
 различных уравнений,
 Все уравнивать хотел, как на духу,

Но икс и игрек,
из-за резких возражений,
Так и не разобрались – «ху из ху»?

Возвел их в куб,
извлек фигурный корень,
Пристроил натуральный логарифм,
Но вышло выражение на заборе,
И аргументы вовсе не для рифм.

Не шуточная тайна тут сокрыта,
И хромосомы с ней накоротке –
Какой-то недостаток алфавита
В великом и могучем языке!

Тогда свернул я мысли по спирали,
Цифирь чтоб диалектикой объять,
Когда ж портки мои все поспирали,
Я на прямую вывернул опять.

Тянулся я к своей гипотенузе,
Вогнал себя в невольный грех и в страх,
Когда нашел ее, войдя в санузел,
В нетленных пифагоровых штанах.

Поверьте мне, старался я не слабо,
Но помешал нелепейший закон:
Пусть куб – мужик,
то шар, должно быть, – баба,
Но почему-то шар был тоже – он.

Округлых форм увлекшись измереньем,
Всегда упреюсь в эту букву – «Пи»,
А там легко поддаться искушенью,
Ну, а потом – возвращайся и терпи!

Казалось бы кружочки – так банально:
Простор вокруг и степи впереди,
Но эта «Пи» ведь иррациональна,
Хоть ты в какую степень возведи!

Знак умноженья – лучшее лекарство,
Еще мы не успели позабыть,
Как быстро развалилось государство,
Сумевшее отнять и поделить.

Но вновь нули мелькают словно лица,
Неотличимы часто от личин,
Как ни крути, доходят единицы
До бесконечно малых величин.

Я был упрям, я был прямой, как свая,
И хохотал, бывало, я до слез:
Прямая – натуральная кривая,
Когда она проходит возле звезд.

О, математика, ты мистикой объята!
Считал я, что мне кругло повезло –
Я был уже в своих координатах,
Но тут явилось мнимое число!

И в том признаться здесь не побоюсь я,
Что, набивая шишки на носу,
Метался между минусом и плюсом,
Как будто в заколдованном лесу.

Как знать,
не от тоски ль пифагорейской,
Утратив к жизни частный интерес,
Сказал пророк
в земле древнееврейской,
Мол, – не убий, – а сам полез на крест.

Чего скрывать, и мне бывало плохо,
И разные творил я чудеса,
И голова гудела как Голгофа,
И даже с неба слышал голоса...

Теперь плыву по эллипсу, в приметах
На лучшей из известных мне планет,

Хотел уснуть
в своих квадратных метрах,
Но тут жена настряпала котлет.

«Пи эр квадрат» –
опять колеса в клетку,

Суровый мир стучит века подряд,
Глядеть приходится на небо
через сетку,

Кто виноват? – Наверное, Декарт!

